

ГОЛОСА МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

УДК 821.161.1.09-3

ПУБЛИЦИСТИКА А. Н. ТОЛСТОГО ПЕРИОДА ЭМИГРАЦИИ

А. Л. Александрова

Тверской государственной университет
кафедра филологических основ издательского дела и литературного творчества

Рассматриваются и обобщаются подходы, которые используются современными исследователями творчества А. Н. Толстого, обозначены их отличия от работ предыдущих десятилетий. Особое внимание уделяется мировоззрению писателя, эволюции проблематики его произведений. Отдельно рассматривается проблема «Россия и Запад».

Ключевые слова: *А. Н. Толстой, эмиграция, Запад, Восток, публицистика, идеология, жанровая система.*

Начнём эту статью с высказывания об Алексее Николаевиче Толстом, которое произнес В. М. Молотов на VIII Всероссийском съезде Советов в 1936 года: «Передо мной выступал всем известный писатель А. Н. Толстой. Кто не знает, что это бывший граф А. Толстой? А теперь? Один из лучших и один из самых популярных писателей земли советской – товарищ Алексей Николаевич Толстой. В этом виновата история. Но перемена-то произошла в хорошую сторону» (цит. по: [8]).

Творчество Алексея Толстого – особенное явление в советской литературе. Сначала поэт дворянского уклада, затем – певец советской власти; кажется, что его натура вобрала в себя абсолютно несочетаемые между собой ипостаси. Чем объяснить кардинальные перемены в мировоззрении писателя: действительной сменой вех и настроений или банальным мимикрированием под советскую реальность? Этот вопрос до сих пор волнует литературоведов. Не случайно вокруг самого Алексея Толстого и его творческого наследия уже столетие ведутся жаркие споры. В большинстве своем литературоведение склоняется к следующей версии: Алексей Николаевич, прежде всего, любил Россию – как Родину. Он был готов поступиться своими взглядами и идеологическими принципами, чтобы вернуться жить на родную землю. «Он считал, что доминирующие политические течения эпохи – это природная данность, вроде рельефа и климата, и приспособляться к ним не зазорно, а где-то даже и должно» [2].

Рассмотрим эмигрантский период творческой биографии писателя, чтобы составить на этот счет свое, непредвзятое мнение. Вернемся в 1917 год. Писатель с энтузиазмом встретил Февральскую революцию. О настроениях Толстого летом 1917 г. можно судить по первой его статье «Из записной книжки» в первом номере «Народоправства». Поражает оптимистический, мужественный тон этой статьи, призывающей видеть происходящее в двойной перспективе – в проекции на Французскую революцию и глазами потомков. Но предвкушение счастливых перемен длилось недолго. Дневник, публицистика и рассказы Толстого конца 1917 – начала 1918 годов отражают беспокойство и подавленность писателя событиями, следовавшими за Октябрем. В июле 1918-го Толстой с семьей выехал в литературное

турне на Украину, а в апреле 1919-го эвакуировался из Одессы в Стамбул. Два эмигрантских года прошли в Париже. В 1921-м Алексей Толстой переехал в Берлин, где были налажены более интенсивные связи с писателями, оставшимися в России. В период нэпа Толстой вернулся на Родину (1923).

Уезжая из России, охваченной пожаром революции (правильнее было бы сказать – спасаясь бегством), Алексей Толстой нес антибольшевистское знамя. «...В эпоху великой борьбы белых и красных я был на стороне белых. Я ненавидел большевиков физически. Я считал их разорителями русского государства, причиной всех бед. В эти годы погибли два моих родных брата, один зарублен, другой умер от ран, расстреляны двое моих дядей, восемь человек моих родных умерло от голода и болезней. Я сам с семьей страдал ужасно. Мне было за что ненавидеть...» [12].

В советском литературоведении принято было считать, что, находясь в Европе, Алексей Толстой тосковал по России, наполняя лиричным пафосом ностальгии такие замечательные произведения, как повесть «Детство Никиты» или фантастический роман «Аэлита». Однако после распада Советского Союза некоторые скептически настроенные критики интерпретировали эмигрантское и постэмигрантское творчество писателя совершенно иначе, опираясь при этом на воспоминания И. Бунина, Р. Гуля, Е. Шкляра. Русские эмигранты, которые покинули Родину в связи с острым неприятием советской власти, смотрели на Толстого как на предателя и приспособленца.

Белоэмигранты, оставшиеся в Париже и Берлине, а также русские «диссиденты» в один голос признавали постэмиграционные произведения Толстого «халтурой». Роман Гуль отзывается о них как о «коммерческой» литературе, написанной по заказу большевистского правительства. Толстого обвиняли в цинизме, беспринципности, измене принципам. Отчасти в этом виноват сам писатель, который в беседах со знакомыми и друзьями позволял себе шутить над большевизмом, признаваться в том, что он был и остается настоящим русским баринком, который любит роскошь и «легкую и изящную жизнь».

Вероятно, что Алексей Николаевич думал о возвращении в СССР как о личной выгоде: как видно из воспоминаний, он действительно любил жить на широкую ногу, и ему это удавалось. Его духовное перерождение, конечно, на каком-то уровне было чистым театром: чего стоит, например, подпись «гр. Толстой», в которой «гр.» можно прочесть одновременно как «граф» и как «гражданин». Однако литературное наследие его эмигрантского периода ни в коей мере не было «халтурой». Там, за границей, Толстого постигла перемена. «Что с ним случилось, не знаем, он весь внезапно переменился, – писал К. И. Чуковский. – Переменившись, написал “Аэлиту”; “Аэлита” в ряду его книг – небывалая и неожиданная книга. В ней не Свинные Овражки, но Марс. Не князь Серпуховский, но буденновец Гусев. И темы в ней не похожи на традиционные темы писателя: восстание пролетариев на Марсе» [8]. «Аэлита» стала точкой перелома от Толстого дореволюционного к Толстому советскому. В этом романе дали себя знать противоречия, которые проявились у многих отечественных творцов: несомненный художественный талант, прозорливость оказывались в неразделимом переплетении с идеологическими догмами, отчасти усвоенными, отчасти навязанными.

В это же время выходит заметка Алексея Толстого, которая впервые открыто свидетельствовала о смене эмигрантских настроений писателя на возвращенческие. В смысловой центр текста Алексей Николаевич поставил свое тело, которое уподобил червяку: «В первые дни террора червяк уполз из Москвы. И вот начались

мучительные и долгие года скитаний. Огонек в сильно помятом и потрепанном бурями теле то угасал, то начинал дымить черным пламенем мщения и ненависти, то вспыхивал сумасшедшей верой в преображение родины. Тело продолжало ползать по карте Европы: оно ползло на юг, потом на запад, потом поползло на восток. На запад гнали его ужас и мщение, на восток повлекли его любовь и неизбежность...» [12, с. 11–12].

Так писатель постепенно начинает выстраивать новую для себя систему ценностных координат. Запад он сопрягает с ненавистью, а восток с любовью и «неизбежностью», под которой, конечно же, подразумевает надежду. Не случайно Толстой устраивается редактором берлинской газеты «Накануне», которая финансировалась большевиками из Москвы. Многие исследователи считают, что создание этого печатного органа являлось звеном в цепи продуманного наступления на свободную русскоязычную литературу за рубежом.

Мысль о родине красной нитью будет прослеживаться во всех эмигрантских публицистических статьях Толстого. Возьмем для примера «Открытое письмо Н. В. Чайковскому» [13], которое многие исследователи советского периода называли «великолепным» и «блестящим» письмом-манифестом. Письмо, представлявшее собой «духовное завещание» писателя, сменившего вехи и готового вернуться на родину. Вот что он пишет, обращаясь к народовольцу Николаю Васильевичу Чайковскому:

«Я представляю из себя натуральный тип русского эмигранта, то есть человека, проделавшего весь скорбный путь хождения по мукам. В эпоху великой борьбы белых и красных я был на стороне белых. Я ненавидел большевиков физически. Я считал их разорителями русского государства, причиной всех бед. <...> Красные одолели, междоусобная война кончилась, но мы, русские эмигранты в Париже, все еще продолжали жить инерцией бывшей борьбы. <...> Мы были просто несчастными существами, оторванными от родины, птицами, спугнутыми с родных гнезд. Быть может, когда мы вернемся в Россию, остававшиеся там начнут считаться с нами в страданиях. <...> Затем наступили два события, которые одним подбавили жару в их надеждах на падение большевиков, на других повлияли совсем по-иному. Это были война с Польшей и голод в России.

Я в числе многих, многих других не мог сочувствовать полякам, завоевавшим русскую землю. <...> Всей своей кровью я желал победы красным войскам. Какое противоречие. Я все еще был наполовину в призрачном состоянии, в бреду. Приспело новое испытание: апокалипсические времена русского голода. Россия вымирала. Кто был виноват? Не все ли равно – кто виноват, когда детские трупки сваливаются, как штабели дров у железнодорожных станций, когда едят человеческое мясо. Все, все мы, скопом, соборно, извечно виноваты. <...> В Россию все же повезли хлеб, и голодные его ели» [13].

Какую же роль Толстой отводит себе? «Так вот, мне представились только три пути к одной цели сохранению и утверждению русской государственности. <...> Третий путь: признать реальность существования в России правительства, называемого большевистским, признать, что никакого другого правительства ни в России, ни вне России – нет. (Признать это так же, как признать, что за окном свирепая буря, хотя и хочется, стоя у окна, думать, что – майский день.) Признав, делать все, чтобы помочь последнему фазису русской революции пойти в сторону обогащения русской жизни, в сторону извлечения из революции всего доброго и справедливого и утверждения этого добра, в сторону уничтожения всего злого и несправедливого,

принесенного той же революцией, и, наконец, в сторону укрепления нашей великодержавности. Я выбираю этот третий путь» [Там же].

Итак, писатель признается, что готов оказывать содействие окончательному установлению власти большевиков. Он говорит своим читателям: хотите вы того или нет, но революция свершилась, и нам с вами остается только смириться с этим фактом, если мы планируем вернуться на Родину.

В своей следующей статье «Несколько слов перед отъездом» Толстой окончательно расставляет акценты: «Я уезжаю с семьей на родину, навсегда. Если здесь, за границей, есть люди, которым я близок, – мои слова – к вам. Я еду на радость? О нет: России предстоят не легкие времена. Снова ее охватывает круговая волна ненависти. Враждебный ей мир вооружается резиновыми палками» [11].

Получается, писатель не просто принимает новый политический строй России, он готовится встать на его защиту. В этой статье писатель снова прибегает к любимому приему: противопоставлению губительного Запада и возрождающейся, буквально животворящей, родины. Эти тенденции в публицистике Толстого позднего эмигрантского периода напоминают острую критику буржуазной политической экономии и капиталистического строя в целом, которую проповедовал Ф. Энгельс как один из основоположников диалектического и исторического материализма. Целесообразно отметить, что в результате этой критики Ф. Энгельс приходит к выводу о необходимости революционного отрицания капитализма и его идеологии. К. Маркс считал, что необходимо уничтожить не ту или иную отдельную сторону капиталистической системы, а капиталистический способ производства в целом (см., например: [4, с. 170]).

А вот как Алексей Толстой описывает в вышеупомянутой статье капиталистов: «Назавтра Джиппи Морган в надвинутом на глаза котелке поднимается по ступеням биржи. Длинное лицо его – мертвенно. Сигара – в правом углу рта... Девизы летят вверх. В шикарном особняке (других) пишут предсмертные записки и стреляются. На рынках исчезают продукты. Рабочие безумными глазами глядят в витрины съестных лавок. Жалкий обыватель, разменявший давеча валюту, видит, как денежные знаки гниют у него между пальцами» [11].

В противовес этому Толстой пишет о России и будто вторит Марксу, утверждавшему, что государство лишь тогда становится воплощением свободы и нравственности, когда оно представляет не частные интересы, а интересы широких народных масс: «А там (в Москве) на трехгранном обелиске написано: «Кто не работает, тот не ест». Там утверждают, что истина – в справедливости; справедливость в том, чтобы каждый осуществил право на жизнь; право на жизнь – труд. Государство берет на себя эту задачу – провести в жизнь эти принципы. Это волевое устремление проявляется в диктатуре. Диктатура государственной власти действует между крайними точками: военной борьбой и неподвижностью растительной жизни. Идея государства (коллектив) мыслится выше идеи личности. Коллектив понимается как понятие качественное, а не количественное (то есть собрание личностей). Личность свободна, куда ее воля не направляется на разрушение коллектива. Такова Россия в пятый год революции, через девять лет после начала мировой войны» [Там же].

Заканчивается статья на возвышенной, пафосной ноте: «Я возвращаюсь домой на трудную жизнь. Но победа будет за теми, в ком пафос правды и справедливости, – за Россией, за народами и классами, которые пойдут с ней, поверят в зарю новой жизни. И тогда увидим с порогов мирных своих жилищ успокоенную землю,

мирные поля, волнующиеся хлеба. Птицы будут петь о мире, о покое, о счастье, о благословенном труде на земле, пережившей злые времена» [Там же].

Толстой прогнозирует, как, развиваясь по спирали, советское общество постепенно переродится в идеальное государство. Нужно сказать, что образ спирали, интуитивный, спонтанный, давно появился в человеческой культуре. Однако его познавательная эвристика, его интегративные возможности впервые были раскрыты лишь в диалектике – сначала гегелевской, а потом (и в основном) марксистской [3, с. 90]. Таким образом, картинка, нарисованная Алексеем Толстым, вновь отсылает нас к трудам марксистской идеологии (что не кажется случайным).

Становится ясно, что в своей публицистике 1922–1923 годов Толстой откровенно заигрывал с большевистским режимом, подготавливая почву к своему возвращению. Некоторые современные исследователи с горечью признают, что гений своего таланта писатель бросил в угоду кровавому режиму Сталина [8]. Но вправе ли мы упрекать в этом Алексея Николаевича? Наведение мостов с Советской Россией было для эмиграции главным событием 1921–1923 гг., в котором участвовали тысячи людей, по-разному пытавшихся преодолеть раскол (см., например: [15]). Хотели бы вернуться сотни тысяч. Взвешивали возможность возвращения многие. Реально вернулось несколько десятков человек. В их числе Алексей Толстой. Вот как вспоминает о нем Ю. П. Анненков:

«...Алексей Толстой не интересовался политической судьбой своей родины. Он не стремился стать официальным пропагандистом марксизма-ленинизма... Весельчак, он просто хотел вернуться к беззаботной жизни, обильной и спокойной. Жизнь за границей, жизнь эмигранта не отвечала таким желаниям, несмотря даже на успех его пьесы в Париже и на другие возможные успехи в дальнейшем... Я вновь встретился с Толстым в 1937 году, в Париже, куда он приехал на несколько дней в качестве знатного советского туриста, “советского графа”. Мы провели несколько часов с глазу на глаз.

Пойми меня, – говорил он, – я иногда чувствую, что испытал на нашей дорогой родине какую-то психологическую или, скорее, патологическую деформацию. Но знаешь ли ты, что люди, родившиеся там в 1917 году, год знаменитого Октября, и которым теперь исполнилось двадцать лет, для них это отнюдь не “деформация”, а самая естественная “формация”: советская формация...

Я циник, – продолжал он, – мне на все наплевать! Я – простой смертный, который хочет жить, хорошо жить, и все тут. Мое литературное творчество? Мне и на него наплевать! Нужно писать пропагандные пьесы? Черт с ним, я и их напишу! Но только это не так легко, как можно подумать. Нужно клеивать столько различных нюансов! Я написал моего “Азефа”, и он провалился в дыру. Я написал “Петра Первого”, и он тоже попал в ту же западню. Пока я писал его, видишь ли, “отец народов” пересмотрел историю России. Петр Великий стал без моего ведома «пролетарским царем» и прототипом нашего Иосифа!

Я переписал заново, в согласии с открытиями партии, а теперь я готовлю третью и, надеюсь, последнюю вариацию этой вещи, так как вторая вариация тоже не удовлетворила нашего Иосифа. Я уже вижу передо мной всех Иванов Грозных и прочих Распутиных реабилитированными, ставшими марксистами и прославленными. Мне наплевать! Эта гимнастика меня даже забавляет! Приходится, действительно, быть акробатом. Мишка Шолохов, Сашка Фадеев, Илья Эренбрюки – все они акробаты. Но они – не графы. А я – граф, черт подери! И наша знать (чтоб ей лопнуть!) сумела дать слишком мало акробатов! Понял?

Моя доля очень трудна...

Что это? Исповедь или болтовня? – спросил я.

Понимай, как хочешь, – ответил Толстой» [1, с. 128–129]

Получается, мировоззрение писателя, несмотря на внешнюю смену настроений, не поменялось? С каких позиций мы должны оценивать публицистику А. Н. Толстого: 1) он – человек, уверовавший в то, о чем пишет, человек, искренне следующий за идеями Карла Маркса и все свои силы бросивший на их воплощение в молодом Советском Союзе; 2) он – человек, которого заслуженно обвиняли в лицемерии, фальши и лжи?

Найти ответ нам, потомкам писателя, чрезвычайно сложно. Есть литературоведы, которые считают так: «В самом деле, сегодняшний исследователь видит в Толстом равнодушие или высокомерие человека, видевшего, как невелико значение политических разногласий рядом с другими ценностями. Художественное творчество является лучшим “детектором лжи”, и писатель, кривящий душой перед самим собой, никогда не напишет ничего достойного. “Ни к красным, ни к белым! Ни с Лениным, ни с Врангелем”, – призывали русские левые демократы. Толстой не был левым демократом, сменовеховцем, “наканунцем”. Он был писателем, а это даёт право на истинный аристократизм и аристократическое чувство превосходства: не обращая внимания на рябь на поверхности воды, бывшую настоящим штормом для многих других, Толстой-писатель думал об эпической глубине литературы» [16]. В защиту писателя приводится и тот довод, что в момент принятия решения о возвращении в Союз он переживал творческий кризис.

Как бы то ни было, перелом в судьбе Алексея Толстого принес ему славу, почести, привилегии. После смерти Горького он прочно занял место патриарха советской литературы. «Неподдельный граф», он был ласково прозван вождями пролетарской революции «рабоче-крестьянским графом», «товарищем графом», «нашим советским графом». Вернувшись в Советский Союз, А. Н. Толстой «заступил на службу» к большевикам, что особенно заметно в его публицистике: если художественные произведения современные исследователи вольны трактовать вразрез с идеологией, пытаясь найти (и находя!) скрытые подтексты, то в статьях Толстого нотки пропаганды звучат особенно ясно. Он стал одним из самых ярких представителей социального реализма – «марксизма, освоенного художественно».

«Марксизм углубляет искусство, вводя социальную среду, определяющую бытие личности, и труд, как высшую моральную ценность. Мы более не можем брать человека изолированно, в бесплотном пространстве и для объяснения некоторых “загадочных” движений души посматривать на небо, как это делали романтики. Мы разгадываем загадки, находя причины в окружении личности, в действии на нее извне социальных сил. Изолированного человека больше нет, – это неправда искусства. Мы делаем шаг в глубь правды, определяя человеческую психику как становление личности в социальной среде. Отсюда мы называем наш художественный метод – социалистическим реализмом» [14].

Спустя десять лет после возвращения из эмиграции Алексей Толстой произнесет фразу, которая после, вырванная из контекста, стала едва ли не известнее самого писателя: «Октябрьская революция дала мне все». На самом деле фраза звучала иначе. 10 января 1933 года, когда Алексею Николаевичу исполнилось пятьдесят и двадцать пять лет литературной деятельности, на квартиру в Детском Селе к юбилею приехал корреспондент «Литературной газеты» Борис Раств. Среди вопросов был и такой: «Какую роль в вашей судьбе сыграла Октябрьская революция?» Ответ: «Если бы не революция, меня бы ожидала серая, бесцветная деятельность дореволюционного среднего писателя Октябрьская революция как художнику дала мне все» [7].

Список литературы

1. Анненков Ю. П. Дневник моих встреч : цикл трагедий : в 2 т. Т. 2. Л. : Искусство, 1991. 303 с.
2. Бурьяк А. Алексей Толстой, или Победа гибкости над грубой силой [Электронный ресурс] // Журнал «Самиздат». URL: http://samlib.ru/b/burxjak_a_w/tolstoy_alexey.shtml. (Дата обращения: 15.09.2015.)
3. Гречко П. Концептуальные модели истории. М. : Логос, 1995. 144 с.
4. Краткий очерк истории философии / Под ред. М. Т. Иовчука и др. М. : Мысль, 1971. 446 с.
5. Накануне. 1922. № 7. 3 апреля.
6. Передерин В. М. Страницы жизни русских писателей и поэтов [Электронный ресурс] // Персональный сайт В. М. Передерина. URL: <http://vmperederin.narod.ru>. (Дата обращения: 15.09.2015.)
7. Раст Б. Двадцатипятилетие литературной деятельности // Литературная газета. 1933. 11 января. С. 7.
8. Ревич В. Алексей Толстой как зеркало русской революции М. : Ин-т востоковедения РАН, 1998. С. 47–68. [Электронный ресурс] // История фэндома. URL: http://www.fandom.ru/about_fan/revich_20_03.htm. (Дата обращения: 15.09.2015.)
9. Румянцев В. Алексей Николаевич Толстой. «Неподдельный граф» [Электронный ресурс] // Хронос. Биографический указатель. URL: http://www.hrono.info/biograf/bio_t/tolstoi6an.php. (Дата обращения: 15.09.2015.)
10. Толстой А. Н. Задачи литературы // Писатели об искусстве и о себе. М. ; Л. : Круг, 1924. № 1. С. 125–127.
11. Толстой А. Н. Несколько слов перед отъездом // Накануне. 1923. 27 июля.
12. Толстой А. Н. [заметка] // Новая русская книга. 1922. № 4. С. 11–12.
13. Толстой А. Н. Открытое письмо Чайковскому // Накануне. 1922. 14 апреля.
14. Толстой А. Н. Социалистический реализм [Электронный ресурс] // Толстой А. Н. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 10 : Публицистика. М. : Худож. лит., 1982. URL: <http://mreadz.com/new/index.php?id=106995&pages=94>. (Дата обращения: 15.09.2015.)
15. Толстая Е. Деготь или мед: Алексей Н. Толстой как неизвестный писатель [Электронный ресурс] // Елена Д. Толстая – статьи, проза, монографии. URL: <http://www.elenatolstaya.com/?cat=mon&id=39>. (Дата обращения: 15.09.2015.)
16. Халил Х. И. Берлинский период творчества А. Н. Толстого: поэтика пародийности : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Х. И. Халил ; Петерб. гос. ун-т. СПб., 2009. 24 с.

**SOCIAL AND POLITICAL JOURNALISM OF A. N. TOLSTOY
IN THE EMIGRATION PERIOD**

A. L. Alexandrova

Tver State University

the Department of philological basics of publishing and literary creation

The approaches that are used by modern researchers in their study of of A. N. Tolstoy's work, are considered and summarized, their difference from the research of the past

marked. The emphasis is made on the worldview of the writer, on the evolution of his . The problem of “Russia and the West” is outlined.

Keywords: *A. N. Tolstoy, emigration, West, East, journalism, ideology, genre system.*

Об авторе:

АЛЕКСАНДРОВА Александра Люtfияровна – аспирант кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: bairamova_a@mail.ru, 170100.

About the author:

ALEXANDROVA Alexandra Lutfiyarovna – postgraduate student of the Department of philological basics of publishing and literary creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: bairamova_a@mail.ru.